

Содержание

На большой площадке.....	7
Вторая жизнь	21
Время	46
Удар.....	70
Проводы.....	92
Капитан запаса.....	117
Случай Радоша Марича	149
Первый приступ.....	157
Детонация	166
Возвращения.....	194
Шанс.....	211
Комплекс стандартов	229
Дядя Вася	251
Инакомыслие	265
Постоянное напряжение	288
День рождения.....	308
Праздник	330
Под сопкой	337

На большой площадке

В сорок с небольшим я был уверен — скоро стану дедом. Дедом не стал до сих пор, зато в пятьдесят стал отцом третьей дочери. Через восемнадцать лет после рождения предыдущей. А старшей было уже двадцать четыре.

Говорят, числительные в прозе — дурной тон, но как в моем возрасте не подсчитывать...

Да, снова стал отцом, хотя природой в мои годы положено быть дедом.

Жена работала и зарабатывала, а я, самозанятый литератор со скромными гонорарами и мизерными роялти, как бы ушел в декрет. Мало писал и читал, но много занимался ребенком.

Известно, что чужие дети быстро растут. Ну и свои с определенного момента — по-моему, лет с десяти-двенадцати. А вот на первых порах... Медленно это все происходит, развитие в смысле, очень медленно. Или мне теперь это казалось, в мои пятьдесят плюс.

Я вспоминал, как развивались те мои дочери, старшие. Наверняка не быстрее, а может, и медленнее. Но у меня было больше сил, крепче нервы. Много забылось, многое тяжелое с годами превратилось чуть ли не в удовольствие, в так называемую радость отцовства.

Хотя — насколько природой заложено в отцах выращивание совсем маленьких детей? Чуть ли не вся история человеческой цивилизации показывает: мать с потомством сидят дома, отец же ходит на охоту, на войну и приносит добычу. А нередко не возвращается...

Если покопаться в документах, посчитать, то обилие полных семей мы не увидим ни в восемнадцатом веке, ни позже. И не только войны были причиной. Мужчин забирало на многомесячные работы государство, отпускали в отходники помещики, а потом община, и многие забывали о доме — или оседали на новых местах, заводили новые семьи (пусть и без венчания), или попросту гибли.

В детстве мама буквально заставляла нас с сестрой запоминать имена художников и названия картин: у нее была целая коробочка репродукций. Ну и вот как раз вспомнилось: картина «На бульваре» Маковского. По всей видимости, типическая русская семья второй половины позапрошлого века. Муж уже обжился в городе, к нему приехала из деревни жена с грудным ребенком. Они встретились на бульваре (у мужа, не исключено, и отдельной каморки нет, живет где-нибудь в фабричной

казарме); муж подпил, наигрывает на гармошке, а жена ошеломленно смотрит в землю — места им с ребенком здесь нет, надо возвращаться в деревню. Может быть, муж придет на побывку или в отпуск (если они тогда были), а может, и нет. Зачем ему, по сути-то? Женщины в публичных домах есть, и по разной цене, как мы знаем из «Ямы» писателя Курпина...

Насколько я могу судить по книгам, по наблюдениям, мужчины бежали от семьи. Не всегда, конечно, прямо вот так бежали, а под разными предлогами, выдумывая поводы. В основном, конечно, на заработки. Ехали на вахты, на стройки социализма, в длительные командировки, в том числе творческие. Туризм был развит, тот, с рюкзаками и палатками. Женщины сидели дома с детьми, а мужчины ехали в горы и тайгу, закаливали волю, тело, дух. Я еще застал это.

Застал и такое отношение мужчин к женщинам: женщина, конечно, необходима, но в то же время она мешает, она привязывает к себе с ее бытом, повседневностью, мещанством. Этот мотив есть во многих рассказах Юрия Казакова, Глеба Горышина, вообще писателей того поколения.

Лет двадцать назад... Нет, раньше. Может, в начале девяностых еще, когда жизнь советских мужчин сломалась (женщины оказались гибче), мужчины стали превращаться в домоседов.

Помню, я хмыкал над приятелями, которые в то время отказывались тусоваться — выпивать и обсу-

ждать книги, фильмы, строить планы, как перевернуть культуру, а то и мир, прекращали ходить на репетиции наших рок-групп, в самодеятельные театры (мы тогда пробовали ставить авангардные пьесы, иногда и свои). Вместо этого приятели сидели дома с подругами, а некоторые уже и с женами; они осваивали кулинарию, полюбили генералить — вылизывать свои жилища.

Я сказал «сидели дома с подругами и женами». Нет, не совсем так. Подруги и жены у них чаще всего были деятельными, работали, мотались за товаром — одни за пуховиками, другие за обувью, третьи за брендовой косметикой, которая до нашей Тувы и в начале нулевых не добралась. В общем, мужской пол с какой-то даже готовностью уступал звание сильного пола женщинам.

С детства я не любил пацанство, бугорство, то, что потом стали называть брутальностью, альфацетством, мачизмом. Поэтому меня не зарезали и не посадили, как почти всех моих приятелей, живших в нашем квартале. Они дрались, обворовывали дачи, снимали шапки с прохожих, налетали на посты ГАИ, чтоб завладеть оружием... А я сидел дома, читал, слушал советский рок и Высоцкого и смотрел в окно.

В Ленинграде я попал в пэтэушный общажный мир. Поступил в строительное училище (путягу) после десятого класса (тогда были десятилетки), учиться мне предстояло не три года, как большинству, вчерашним восьмиклассникам, — но они были

тут же, и эти пятнадцатилетние, съехавшиеся с разных углов Союза, вели себя как настоящие бандиты. Особенно борзели чуваки из Кушки, военного городка на юге Туркмении, — мелкие, зато дружные, настоящая стая.

Очень быстро мы с одним парнем сняли комнату на Васильевском острове; в училище я ездил все реже, вместо этого гулял по городу, слушал публичные лекции по истории и литературе в Музее истории Ленинграда, подрабатывал на разгрузке картошки на товарных станциях, ждал переводов от родителей, а в середине декабря попал в армию. Появился однажды в путяге — приехал пообедать, — и военрук вручил повестку.

В армии пацанства хватало. Слава богу, я недолго пробыл в части (в погранвойсках части называются «отряды»), был отправлен на заставу. А там особо не побькуешь — доступ к оружию имеет каждый.

После дембеля вернулся на родину и попал в творческую среду. Творили там мало — все были молодые, бедные, пока не знающие, чем заниматься, — зато много читали, слушали рок, спорили, обсуждали, мечтали. Если и случались драки, то такие, интеллигентские — больше орали и махали руками, чем били...

Потом был переезд в Красноярский край. Знакомство в городе Минусинске с местными художниками, в соседнем городе, Абакане, с музыкантами и поэтами. Потом — удачное поступление в Литературный институт.

В середине первого курса я женился на москвичке и переехал из общежития на улице Добролюбова в квартиру на проспекте Андропова. Это, наверное, меня спасло — многие не выдерживали в общежитии. Действительно, почти невыносимо обитать там, где находится еще сотня людей, считающих себя гениями. Особенно первокурсники. Кто-то бросал институт и исчезал, некоторые выпрыгивали из окон или сходили с ума.

Вскоре после свадьбы родился ребенок, но еще года два я не чувствовал себя отцом, семейным человеком. После пар редко мчался домой. Сидел с приятелями-литераторами или на Тверском бульваре, или в нижнем буфете ЦДЛ, или ехал в общежитие, которое теперь, когда я был там гостем, да к тому же стал публиковаться, сделалось не таким опасным для психики.

Были тогда в Москве литературные клубы «ОГИ», «ПирОГИ», «Билингва», был бункер нацболов, были литературные вечера в музее Маяковского, книжный магазин «Фаланстер» в Большом Козихинском и «Театр.doc» по соседству... И везде изобретали новое, спорили, мечтали, создавали течения и направления и тут же их разрушали, не сходясь в какой-нибудь мелочи. Пили. Я крепко пил. А утром, прямо по Блоку, проблевавшись, писал тупо и рьяно.

Много тогда писал. В двадцать пять — тридцать пять лет получалось и пить, и писать, и читать, и лекции посещать, и с ребенком нянчиться. И драться иногда.

Потом стал слабеть. Все дольше сидел за письменным столом и все меньше писал. Зато со вторым ребенком проводил больше времени. Сделался домоседом. Участились ссоры с женой; раньше ее раздражали мои загулы, а теперь раздражало, что я постоянно дома. И в сорок пять я ушел. Мы развелись; я переехал в другой город, женился на другой женщине. Мы купили двухкомнатную квартиру с огромной кухней-столовой-гостиной.

В этом другом городе поначалу я ходил на литературные вечера, выпивал с местными литераторами в Доме писателя, а потом засел в своем кабинете. Вяло читал, вяло писал, и обрадовался, когда на шестом году нашего брака родился ребенок, моя третья дочка. И с готовностью стал ей не только отцом, но и нянькой.

Нет, жена, конечно, участвовала. И памперсы меняла, если меня не было дома, и кормила, и прочее. Она записывалась на приемы к педиатру, следила за прививками, выбирала коляски, одежду; она нашла такую очень удобную, недавно вошедшую в обиход вещь, как кокон. Ребенок в нем спал хорошо и спокойно и до поры до времени не мог из него выбраться... Но в основном время с дочкой проводил я, и мне это, в общем-то, нравилось. Теперь я понимаю, что появилось оправдание, почему не пишу прозу и рецензии, мало читаю, зато много лежу: устаю с ребенком.

Да и не писалось, не читалось. Рождение ребенка почти совпало с началом известных событий, кото-

рые до сих пор продолжают и набирают силу. Выражение «переоценка ценностей», которое я слышал с ранней юности, стало реальностью жизни. И моей, и общественной. Кажется, даже в перестройку такого не было... Я ужасался происходящему, кровожадности моих вчерашних товарищей, неизвестных мне молодых женщин, которые требовали больше вражеской крови и оправдывали жертвы необходимостью спасти страну и народ.

Одна наша с женой знакомая, эмоциональная и легкоранимая, узнав, что у нас родился ребенок, написала: «Не понимаю, как в такой обстановке можно размножиться!» Другие поздравляли и радовались, но непременно, полусшепотом, замечали: «Хорошо, хорошо, что девочка».

Да, чужие дети растут быстро, а свои — нет. И расти им трудно, и вырастить их непросто.

Просматриваю записные книжки годичной, двухлетней давности, цепляюсь взглядом: «колик», «дочка плачет», «всю ночь страдала», «дочка мучается животиком», «весь день спала, а ночью плакала», «ночью устроила концерт», «не писал, дочка ноет, не дает настроиться», «повесть двигается медленно, постоянно отвлекаюсь на дочку», «жена полдня гуляла с ребенком, а я просто валялся на диване, не писал», «заболела, температура», «ребенку лучше, но мы с женой слегли, состояние чумное».

Весной, когда дочке исполнилось месяцев семь, все больше записей о наших прогулках. Не тех, когда

взрослый катает коляску, а ребенок в ней дрыхнет, а более-менее деятельных — когда он рвется на волю.

Я старался каждый день гулять с дочкой. Не потому только, что свежий воздух полезен, что прогулки делают ее здоровее. Заметил, что непогулявший ребенок ночью плохо спит, а если он плохо спит, то не спят и родители. Да, ребенок проснется, покричит две минуты, получит грудь, бутылочку или пустышку, покачается на ручках и уснет, а родителям быстро уснуть не получается. Лежат, прислушиваются к его дыханию, потом мысли всякие начинают голову засорять, воспоминания, заботы... Громко дышит ребенок — тревога, дыхания не слышно — тревога еще больше.

Вроде начинают родители в сон сползать, а из кровати опять: «А-а-а!...» И снова встаешь, кормишь, качаешь. Но ребенку хочется не есть, не качаться на ручках, а двигаться. Еда, качка придавливают и успокаивают на полчаса, на час, а потом его снова тянет жить.

А погуляешь с ним ближе к вечеру, и он может проспять до семи-восьми утра. И не надо пугаться во время прогулки желанию еще не умеющего ходить вылезти из коляски. Помогите, опустите на землю. Пусть ползает, пусть раз за разом пытается перебраться через препятствие, пусть хватает камешки, листья, траву. Пусть сжигает свою энергию.

Вот еще одна запись: «На большой площадке снова странная женщина у песочницы».